

И.Н.Нечитайло

Киевский национальный лингвистический университет

ДИАЛЕКТНАЯ ФИТОНИМИЯ

В СВЕТЕ ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Традиционной областью славянского языкознания являются проблемы образования славянского языкового единства и последующего диалектного членения, первоначальной территории, занимаемой славянами, и их последующего распространения в разные исторические эпохи, а также контактов славянских языков с языками неславянских народов. Вопрос о предпочтительности диалектных или сравнительно-исторических данных для реконструкции праславянского языка в последнее время получил принципиально новое решение: исследуя в мельчайших деталях архаичный пласт современных славянских диалектов, можно получить представление о процессе развития элементов праславянской системы.

Новую лингвистическую информацию о дифференциации отдельных зон Славии и динамике этой дифференциации содержат праславянские диалектизмы – присутствующие в периферийных диалектных зонах славянских языков рефлексы праязыка, сохранившие неизменными свои фонетические, морфологические и семантические характеристики. Знакомство с континуантами праславянского языка в русских диалектах позволяет решить ряд проблем развития не только северного и восточного регионов Славии, но и взаимодействия этносов других ее частей.

В центре нашего внимания фигурируют праславянские отглагольные диалектизмы-фитонимы, позволяющие судить о мотивационной основе номинации растительного мира в общеславянском контексте. Наличие разных мотивационных признаков в каждом отдельном случае дает возможность реально ощутить «своеобразие национального языкового сознания в сложном процессе

восприятия мира человеком, его познавательной и классифицирующей деятельности» [Вендина 2008: 22].

Иллюстрацией сказанному может стать разветвленное этимологическое гнездо праслав. *bręd- / *brěd-, в котором представлены две группы – праслав. *abrędъ от корня глагола движения *bręd- (с производными *abrędъка, *abrędъкъ, *abrędъ, *abrędъje, *abrędja) и праслав. *abrědъ, *abrědъ и *abrědъje от деназализованного дублета *brěd. Первая группа, от основы *bręd-, объединяется вокруг значений „росток”, „цвет растения”, „плод”, а вторая (*brěd-) – „идуший, движущийся”. Отпечатками праслав. *abrědъ стали русско-церковнослав. *абрѣдъ* "акрида", *абрѣдъ*, *ѡбрѣдъ* "саранча, locusta" (XII в.) [Срезневский I: 4], а также *обрѣда*, *ѡбрѣдие*, ставшие позже, по утверждению Э.Бернекера, названиями лишь плодов, овощей. Представители Московской этимологической школы считают данные праславянские диалектизмы результатом присоединения к основе префикса *a-*.

Производное с суффиксом *-je* праслав. *abrědъje нашло отражение в русско-церковнослав. *ѡбрѣдик* "саранча", *абрѣдик* "акриды, locustae" (Мстисл. Ев. 1117 г., Ев. Акад. XIV в.) [Срезневский I: 3; ЭССЯ I: 48]. Сформировавшиеся от основы глагола состояния *bręd- праслав. *abrędъ, *abrędja, *abrędъка отражены в польск. мазов. *jabrząd* м. р., *jabrzędzie* ср. р. «вид тополя», *brazdza* „плодовое дерево”, словацк. диал *jabrátka*, *jaburátka* множ. ср. р. "сережки (на вербе)". Параллельная им форма – иллир. (мессап.) *βρέντιον* [Kálal: 214; ЭССЯ I: 57],

Образование ботанической лексики от глагольных основ является достаточно частым для праславянского языка. Девербативы-фитонимы являются именами субъекта, осуществляющего действие, обозначаемое глаголами. Например, от глагола поверхностного действия праслав. *briti происходит название праслав. *brъjъ, объединяющее ряд

разнообразных растений. Континуантами данной лексемы служат болг. *брей* "раст. *Tamus communis*, диал. *брей* м. р. "лесное растение, применяющееся как средство против чесотки у детей" (страндж.), "лесное растение, применяемое в народной медицине" (пирдопск.), "растение с низким стеблем и ядовитыми красными плодами *Tamus communis*" (троянск.), „красавка *Atropa belladonna*, переступень белый *Bryonia alba* и *Tamus communis*" [ЭССЯ III: 68; Български I: 76].

От основы глагола деформации праслав. **бъgati* (< праиндоевроп. **bheugh-* "гнуть") образован праславянский диалектизм с субъектным типом значения, а именно название растения по характеру роста. В его формировании произошла нулевая суффиксация с чередованием *g / ž*: праслав. **бъgja* / **бъža*, сохранившееся в словен. *baža* "террасный виноградник" [Куркина 1993: 41; Pleteršnik I: 15].

Основа глагола повреждения праслав. **čersti*, **čьrtъ* "резать, царапать острым предметом" мотивировала deverbativ праслав. **čerть* "камыш" – название по характеру острых листьев растения [Етимологічний IV: 243], а затем – с помощью нулевой суффиксации – название места, где оно встречается: праслав. **čerta*, словен. **čréta* "болотистое место, поросшее камышом" [Pleteršnik I: 110], диал. **čréta* "общественный выгон" [ЭССЯ IV: 298]. Родственное наименование праслав. **čьrtель*, образованное по тому же образцу, отмечено в старопольск. *czarcieł* «растение *Tithymalus lathyrus* Hill» (ок. 1465 г.) [ЭССЯ IV: 162].

Серию глаголов физического воздействия, служивших исходными для формирования имен деятеля и, соответственно, ботанических названий в праславянском языке, продолжает праслав. **lěpiti*. От него происходит праслав. **lěръ* "клей", мотивировавшее праслав. **lěруні* – название клейкого растения. В данный момент оно

сохранилось только в русском языке как диал. *лепынь* "раст. лопух" (онежск.) [Словарь русских 16: 368; ЭССЯ XV: 129].

Одна из возможных реконструкций девербатива – фитонима праслав. **pruščь* (< **prusk-j-*) предложена В.А.Меркуловой, которая выводит данную лексему из праславянского периода, однако прямых соответствий в славянских языках не указывает. Анализ ее семантики вызывает определенные затруднения в плане мотивации. Одним из значений исходного глагола праслав. **pruskati* указано "лопаться (о почках), расцветать". При семантическом развитии слово **pruščь* могло обозначать просто "цветок", однако, по признанию автора этимологии этого девербатива, анализируемый материал недостаточен, а реконструкция формы и значения могут быть приняты лишь условно. Русск. диал. *прущ* "раст. *Geranium cicutarium*, *Geranium lucidum*, *Geranium silvaticum*" встречалось исследователям конца XVIII – начала XIX в. на Среднем Урале и в Сибири [Меркулова 1981: 4–5].

Праславянский глагол **botēti* является, возможно, производным от праиндоевроп. **bheu-* / **bhū-* "расти" [Етимологічний I: 239]. От его основы с помощью суффикса *-инь* образовалось праслав. **bъtinь*. Таким образом, в результате деривационных процессов на базе значения „расти” возникло „тот, что растет”. Праслав. **bъtinь* зафиксировано в русском языке как диал. *ботун* "раст. *Allium altaicum*, горный алтайский лук" (сибир., уфим.), "раст. *Allium schoenoprasum*, лук-сеянец" (иссык-кульск., перм.), "стрельчатый лук" (костр., перм.) , *бутун* "мелкий репчатый лук, выращенный из семян" [Словарь русских 3: 138].

Прямое значение в прошлом однокоренных глаголов праслав. **bagti*, **bagnoti*, **bažēti* < **bagēti* "гореть, печься" связано, возможно, с праиндоевропейским **bhōg-* "печь" [Етимологічний I: 109]. Производным с суффиксом *-ьсь* от основы праслав. **bagn-* является

*bagnъсь, нашедшее отражение в русском языке как *баганец* "раст. *Urtica L.*, крапива" (смол.) [Словарь русских 2: 34].

По мнению авторов Этимологического словаря украинского языка, глагол праслав. *kuriti "пахнуть" – родственный праслав. *kurěti "кипеть", которому допускается также значение „пахнуть”. В свою очередь, праслав. *kurěti выводится из праиндоевроп. *kuer- / *kur- в значении "пахнуть" [Етимологічний III:147; Етимологічний II: 434]. Праслав. *kuriti стало исходным для праслав. *куругь, обозначающего растение, которое сильно пахнет. В настоящее время его рефлексы в ряде русских говоров закрепились за растениями определенного вида: русск. *купырь* "раст. дягель *Angelica archangelika*; *Anthriscus sylvestris*, морковник" [Даль³ II, с. 567], диал. *купырь* "раст. *Angelica sylvestris*, дудник лесной" (рост., ворон., тамб., рязан., томск.), *купырь лесной* "раст. *Valeriana officinalis*" (тамб.), "раст. *Bunias orientalis L.*" (ворон.) [Словарь русских 16: 105–106].

Объектные названия как источник фитонимии свойственны говорам южного региона славянских языков. Например, фитоним праслав. *sily, также принадлежащий южнославянским языкам, представляет собой семантический тип объекта действия, обозначенного глаголом праслав. *sěti, *sějo. Изолекса его соответствий объединяет словен. *síl* "название растения" и хорв. *siļ* "овес" [Куркина 1993: 41].

Среди девербативов, мотивировавших названия растений, прилагательные занимают особое положение. Так, происхождение праслав. *mytovъjъ решается отнесением его к существительному праслав. *myть или *myto, которые, как известно, были синонимичными [Этимологический XXI: 82–83]. В русском языке праслав. *mytovъjъ употребляется в диалектной лексике в составе фитонима *мутовое коренье* (раст. *Polygonum bistorta L.*, горец змеиный,

раковые шейки" (арханг., костр.) [Словарь русских 19: 31]. С исходными субстантивами его объединяет то, что обозначаемое им растение *Polygonum bistorta* L. широко используется от расстройства желудка, названиями которого и есть праслав. *myть і *myto.

Относительно возникновения фитонимического названия праслав. *bredina предложены две версии. Первая, Э.Бернекера и М.Фасмера, предполагает ее мотивированность основой глагола праслав. *bredō, *bresti через промежуточную стадию – суффиксацию (-ina) праслав. *bredь: реальное обоснование для этого усматривают в том, что вербы растут на сырых местах, стоят в воде, „бродят” [Этимологический III: 11]. В таком случае девербатив должен обозначать субъект указанного глаголом действия. Однако первичным, более давним значением праслав. *bredō, *bresti является не просто перемещение, а переход вброд. Значение праслав. *bredь, по-видимому, не имеет связи с перемещением, поскольку обозначает в ряде русских диалектов срезанные с вербы ветки, а значит, мотивировано, скорее всего, глаголом физического воздействия праслав. *briti "резать", связанным с праиндоевроп. *bher- "тереть, скрести, резать", *bhri-, *bhrei- [Этимологічний I: 259–260]. Эта версия, предложенная Р.В.Болдыревым, представляется более убедительной, поскольку передает более конкретную мотивацию значения отглагольного названия растения, отражая более типичный для наименований данного разряда способ терминообразования, отражающий роль обозначаемого объекта в жизни человека. В таком случае праслав. *bredina является обобщенным названием объекта действия. Семантика его отображений в современных диалектах довольно однородна: русск диал. *бредина* "верба, ракита, лоза, *Salix*" (западн., псков., калинин.) [Даль I: 309], укр. *бредина* "*Salix caprea* L." [Этимологічний I: 250; Этимологический III: 11-12].

Южно-восточнославянский диалектизм праслав. *lōzъje образовался вследствие соединения основы слова *lōza "гибкая ветка; виноград; верба кустовая" с суффиксом -ъje. Его континуанты находим в старослав. □□□□ ср. р., собир. "виноградные лозы; хворост", болг. *лóзе, лóзѣ* ср. р. "виноградник", диал. *лóзе* (гюмюрджинск., ихтиманск.), *лóзи, лойзь* (видинск.), макед. *лозје* ср. р. "тж.", серб. *лóзје* ср. р. "виноградная лоза" [Речник XI: 545; Rječnik VI:177], диал. *лóзје* (лужицк.), *лóзје* (косовско-метохисск.), *л'óзје* ср. р. (Црна Рец), стар. хорв. *lozje* ср. р., хорв. *lozjê, lôzje, lôžje* ср. р., *lõžde* ср. р. (дубр.) [Rječnik VI: 179], словен. *lôzje* ср. р., собир. "виноградник" [Pleteršnik I: 534], старорусск., русск.-церковнослав. *лозие* ср. р., собир. к *лоза* (XVI в.) "хворост, прутья" (XVI–XVII в.), "длинные гибкие ветки некоторых кустов" [Словарь русского 8: 272; Срезневский II: 44], русск. диал. *лóзьѣ* ср. р. "лозняк (ивовый кустарник)" (смол.), "длинные гибкие ветки некоторых кустарников, преимущественно ивы" (новг.), "ветки берез, из которых делают веники" (костром., ярослав., моск.) [Словарь русских 17: 112], староукр. *лозьє* ср. р., собир. "вербовый кустарник", белор. диал. *лóзьє* ср. р., собир. "тж." (туровск.) [Тураўскі слоўнік 3: 40]. Учитывая, что первичным значением данного диалектизма было „гибкая ветка”, наиболее архаичными лексемами, которые сохранили это значение, оказываются старорусские, русско-церковнославянские рефлексy, а также северные диалектизмы русского и полесские – белорусского языков.

Генерализуя информацию, содержащуюся в материале по словообразованию и семантике праславянских диалектизмов, можно утверждать, что активным источником пополнения словаря растительного мира праславянских диалектов были глаголы физического действия, которые можно отнести к группам перемещения, поверхностного воздействия, деформации, состояния и звучания. Процесс формирования фитотерминологии имел

промежуточный этап субъектных, объектных и атрибутивных названий.

Праславянские фитонимы отглагольного происхождения получили рефлексацию в различных регионах Славии, однако наибольшей ценностью обладают диалектизмы точечного распространения в пределах одного диалекта либо объединенные межъязыковыми сепаратными изоглоссами. Наиболее регулярные семантические и словообразовательные соответствия имеют восточнославянские, сербские и русские, словенские и русские. болгарские и русские диалекты.

Лексико-словообразовательные и семантические штудии праславянских диалектизмов позволяют выявить некоторые закономерности, которые прослеживаются на диалектном ландшафте Славии, и это обстоятельство чрезвычайно повышает ценность диалектов с наибольшей концентрацией лексической архаики. Лингвогеографическая характеристика большинства рассмотренных случаев образования и распространения данной лексики может послужить основанием для воспроизведения праславянских диалектных систем и контактов.

Литература

1. Български етимологичен речник / Съст. В. И. Георгиев, И. Заимов, Ст. Илчев. – София: БАН, 1971–2002. – Т. 1–6.
2. Вендина Т.И. Из истории работы над Общеславянским лингвистическим атласом. К 50-летию проекта (1958–2008) // ОЛА. Материалы и исследования. 2006–2008: Сб. научных трудов. – М.: Учреждение Российской академии наук Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 2008. – С. 5–31.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
4. Етимологічний словник української мови: В 7 т. // За ред. О. С. Мельничука. – К.: Наук. думка, 1982–2007. – Т. 1–5.
5. Куркина Л. В. Паннонославянская языковая общность в системе диалектных отношений праславянского языка // Славянское языкознание. XI

Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. академик Н.И.Толстой. – М.: Наука, 1993. – С. 36–46.

6. Меркулова В. А. Восточнославянские этимологии. I // Этимология 1979. – М.: Наука, 1981. – С. 14–20.

7. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. – Београд: Институт за српскохрватски језик, 1959–1978. – Књ. 1–11.

8. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. – Л.: Наука, 1961–1999. – Вып. 1–33.

9. Словарь русского языка XI—XVII вв. / Ред. Г. А. Богатова. – М.: Наука, 1975–1991. – Вып. 1–17.

10. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе погранічча. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986. – Т. 1–5.

11. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб., 1893–1912. – Т. 1–3.

12. Тураўскі слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1975–1983. – Т. 1–5.

13. Трубачев О. Н. Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Русская региональная лексика XI – XVII вв. – М.: Наука, 1987. – С.17–28.

14. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд // Под. ред. О. Н. Трубачева. – Вып. 1–34. – М.: Наука, 1974–2009.

15. Kálal M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečia. – Bratislava: SAV, 1965.

16. Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. – Ljubljana: Knezoškobijstvo, 1884–1895. – В. 1–2.

17. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. – Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti, 1880–1967. – D. 1–19 (Sv. 1–90).